

Татьяна и Сергей НИКИТИНЫ

Неделя - 1091 - 4-10 марта (№10) - с. 13.

— Как вам теперь живется? Что радует, что печалит?

Сергей: Испытываю двойственное чувство, одновременно счастливое и тревожное. Счастливое потому, что наконец есть возможность полностью посвятить себя любимому занятию. Три года назад оставил прежнюю службу. Заведу в Театре-студии Олега Табакова музыкальную часть.

— А в спектакле сыграть не побоялись?

— Сознаться, пытался. Репетировал Шута в «Двенадцатой ночи». Убедился, и все убедились, что не моя это стезя. В остальном — испытываю ощущения человека, свободно реализующего свои способности... Но очень тревожит ситуация в стране. Все сильнее потребность самому что-то предпринять. Татьяну это стремление дей-

экономика, рациональное управление городским хозяйством. Считают, что должны быть включены надежные механизмы, чтобы не та или иная личность определяла порядок всей работы, а налаженная целесобразная система. Не столько бороться с воровством в торговле, сколько сделать так, чтобы было невыгодно воровать!

— Вы лично, Таня, достигли чего-нибудь на новом поприще?

Т. Разного сделано немало; например, открыли в районе четыре галереи живописи, и художники наши говорят, что теперь не представляют, как это меня не было в исполкоме. Мы с Сергеем уехали на несколько дней с концертами; вернулась — так ко мне кинулись, словно год отсутствовала...

С. Приезжал один крупный деятель искусства из культурной ассо-

С. А знаете, ничего в этом направлении не предпринимаем. Не болно мы практичные.

— Как вы работаете вдвоем?

С. Наш союз — «единство и борьба противоположностей». Правда, не такие уж мы противоположности. В стратегии едины; расхождения — в тактике. Я сочиняю композицию, аранжировку и отдаю Татьяне то, что получилось. Решение — не ноты, а дыхание песни, акценты, ради какого слова произносится данная строфа, — за ней. Если замысел чем-либо ей неудобен, если она не чувствует себя в нем естественно и правдиво, петь это ее не заставишь. Образно говоря, мы в четыре руки шьем некий костюм, в который должны вдвоем влезть и чувствовать себя в нем свободно.

Т. В своем маленьком театре мы два полнопрованных режиссера и актера. Но пока Сергей сочиняет музыку, вторгнуться в этот процесс ни с какими идеями нельзя.

С. И знаете, когда мелодия придумана, мне жаль с ней расставаться. Никогда не был жадным, а тут каждый раз отдавать не хочется. Выпускать из-под своего контроля.

— Умеете вы не завидовать творческому успеху коллег?

Т. Что я особенно ценю в Сергее — он напроцужден чувства зависти. Она ему неведома. Сколько на поприще авторской песни вывел «в люди», оставаясь в тени... Завидовать в сущности большое несчастье. Природа не знает зависти. Значит (смеется), Сергей — подлинное дитя природы.

С. Ну почему же. Я завидую, например, людям, которые помнят наизусть прорву стихов. Дружбу с Дмитрием Покровским, и мне завидно, что я не в его команде, коллективно существующей в русском фольклоре.

— Ну это зависть «белая». По-доброму осознавать, что человек умеет делать что-то лучше тебя, — не зависть вовсе.

С. «Сознание собственного несовершенства», как говорит Зиновий Гердт.

— Нынешнее трудное и нервное время найдет какое-то отражение в вашем творчестве?

С. «Утром в газете, вечером в куплете?» Мы так не умеем.

Т. Многие вещи, которые мы стали петь сейчас, сочинены лет пятнадцать — двадцать назад. Скажем, Сергей некогда написал мотив к стихам Киплинга; тогда мы решили это не исполнять, сейчас звучит так, словно только что сочинено. 10 марта у нас концерт в помещении Театра на Таганке, приходите послушать.

— Спасибо, непременно. Скажите, а ваш сын Саша поет?

Т. Только в кругу семьи. С нами на сцену выходить решительно отказался: «Не хочу быть сыном при солистах-родителях». Увлекается рок-музыкой и, хотя мы с ним друзья, довольно иронически отзывался о нашем, как он говорит, «совковом» роке.

— Студент-филолог? Широкая лексическая палитра.

Т. Я не склонна брюзжать о молодом поколении. Оно лучше нас. Оно свободнее, меньше пуганы. Плохо лишь, что нет у многих из них чувства сопричастности с происходящим. Я родилась и росла в Душанбе, после войны там было много инвалидов, калек — страдала вместе с ними. Нынешние дети не так восприимчивы к чужой боли... Но я не приемлю взрослую неприимчивость к теперешней молодежи, желание старших навязать ей свою «игру», не считаясь с движением времени.

С. Согласен с Татьяной. И все же меня огорчает чересчур жизнерадостная реакция молодых на ту музыкальную жвачку, которую регулярно предлагает им эфир.

— «Огорчает» — нежно сказано: когда музыка на уровне детской считалки (только много грохота), текст — как из букваря для недоразвитых, а юная публика при этом заходится от восторга... Да ну их, поговорим лучше о ваших художественных пристрастиях.

С. Все хорошие стихи, вся хорошая музыка. Недавно взяли с Татьяной «Евгения Онегина», начали с середины; я читал вслух и вдруг остановился — слезы навернулись, до того хорошо!.. Еще недавно мы были целиком в произведениях Домбровского, Гроссмана. Теперь — рассказы Шаламова. Люблю Рахманинова, но любимая моя мелодия — «Звездная пыль», поет Нат Кинг Кол, джаз, услышанный еще в детстве... Когда не по себе, беру гитару и что-нибудь наиграваю, сам процесс помогает обрести себя в собранном виде.

— О вас всегда говорили, как о людях науки. Удалось чего-то достичь на научной ниве?

С. В институте мы работали старательно, и нам было интересно. При этом приходилось доказывать, что музыкой занимаемся не в ущерб научным изысканиям. Мне, как менее организованному, удалось защитить диссертацию лишь через пять лет после Татьяны. И то была моя персональная победа.

Т. Там работали в то время ребята — настоящие прорабы науки. Они не делали диссертаций, просто работали. Котировались высоко, а титулов не искали. Тем труднее было Сергею доказывать и в конце концов подтвердить свою научную квалификацию.

— Нельзя попросить вас... немного посплетничать друг о друге?

Т. С удовольствием. Значит, так. Внешне он очень мягкий, на деле одержим до жестокости, до беспощадности. Во всем одержим. Если сочиняет, то полночи. Если провалился на рыбалку, то, кроме нее, больше ничего не существует.

С. Самое странное: она вроде бы говорит разумные вещи, вполне логично. И при этом я периодически наталкиваюсь на ее невероятную, дремучую нелогичность! Ну и есть у нее один особый пункт: детективные романы.

Т. Побойся бога! Это чтиво — только в моменты душевной смуты.

С. В моменты душевной смуты — венгерский политический детектив, безнадежно устаревший?..

Т. Но в одном он прав: у меня сразу появляется версия. Быстро угадываю, кто преступник. То же самое в детективных фильмах; сын спрашивает, вычислила ли я уже, кто окажется в финале убийцей.

— В таком случае, попробуйте вычислить и иное. Как вы сами поете «Под музыку Вивальди» — «все мы будем счастливы... когда-нибудь... бог даст»?

Т. Хотелось бы. Очень хотелось бы, чтобы люди вокруг хорошо одевались, хорошо питались. Чтобы были полностью независимы, свободны в выборе, в передвижении. Когда видишь, как личные амбиции идут вперед дела, ради которого люди поднялись, становится тускло.

С. И все-таки, я полагаю, счастье — внутри нас. Работаете, творите — и этим счастливы. Надо ехать выступать — едешь и получаешь от зрительного зала такой импульс благожелательности, такой заряд добра, что осознаешь: ради этого стоит жить!.. Я оптимист. Я верю.

— Давайте вспомним, как вы познакомились?

С. Мы учились на физическом факультете МГУ. Я на два курса старше...

Т. Сергей уже тогда руководил ансамблем звезд университетского масштаба. Они устроили концерт для нас, первокурсников. Я посмотрела на сцену и решила: «Вот за этого парня я выйду замуж».

С. Интересно! Впервые это слышу. Между прочим, я тогда собирался жениться совсем на другой.

Т. Слышите, он собирался жениться на другой. Его кто-то спрашивал.

Сергей. Вы так и не задали вопрос, кто здесь глава семьи. Помоему, это и так ясно.

— И я хочу от имени всех мужчин, читателей и сотрудников «Недели», поздравить Таню с Женским днем 8 Марта...

Татьяна. Что вы, какой женский? 8 марта — это же день рождения Сережи!

(«Александр, Александра, что там вьется перед нами?», «Вы полагаете, все это будет носиться?»). Они стали явлением, музыкальным и вокальным; Театром двух — ного? — понятием «актеров» тут не ограничишься, диапазон их дуэта неизмеримо шире: композиция, поэзия, публицистика, филологичность и гражданственность поиска. Все годы, впрочем, уже десятилетия, их любят, с ними дружат миллионы семей, собирая магнитофонные записи, сохраняя немногие диски. Единственное творческое звание этих народных артистов — кандидаты физико-математических наук. И так, сегодня гости нашей 13-й страницы — Татьяна и Сергей НИКИТИНЫ.

ствозать, приложить свои руки привело на службу в исполком Октябрьского района Москвы. Видите (улыбается), сколько раз исполнили мы песню про бюрократов из «Забытой мелодии для флейты» и в итоге вырастили бюрократа в «своих рядах».

Татьяна: За последние пять лет мы стали другими людьми. Мы и раньше старались жить по совести, не подличали, не делали гадости кому бы то ни было. Была иллюзия «малой честности», да-да, сейчас то видим: были честными не до конца. Стыдно. Знали о гонениях на Сахарова, о пражской «весне» шестидесятых, о многом другом — знали и молчали. Пели свои песенки... Теперь, мне кажется, нас, как и многих, невозможно вернуть в прежнюю жизнь, втиснуть опять туда же, словно статистов в жуткой пьесе абсурда. А я на конкретном примере — жизни нашего исполкома — сужу о попытках вернуть и втиснуть.

Я четко сознавала, ради чего шла заведовать отделом культуры в райисполкоме. Воспитана в преклонении перед талантом и знаю, как неуважительно у нас относились к талантливым людям, особенно если те не признаны официально. Вот и подумала: пусть я буду тем человеком, от которого в какой-то степени зависят взаимоотношения художника с властью. Отнесусь к художнику так, как хотела бы, чтобы ко мне отнеслись. Как сумею, стану бороться с серостью. И главная задача моя — побольше всего хорошего надрезать: предостаточно у нас назапрещали...

Потому и взялась за дело в исполкоме наша университетская команда, движимая романтико-прагматическими устремлениями души. Команда, которая предпочитает словам дело.

С. Понимаете, они там все специалисты с высшим образованием, многие с научными степенями. Экономисты, юристы, математики. Они четко знают, что такое рыночная

циация и, ознакомившись с работой их отдела культуры, сказал, имея в виду Татьяну: «Впервые мне хочется поцеловать советскую власть».

— А вы, Сергей, благодушно за этим наблюдаете?

С. Не только наблюдаю. Сопереживаю. Если в жизни не будет негативного поворота, людей из их «университетской команды» ждет большое будущее. Хорошо знаю их председателя исполкома Георгия Васильева: географ, экономист и тоже причастен к песням под гитару. Их энтузиазм, добровольность — сродни тому, что мы делаем на сцене. У нас главный принцип — добровольность. Когда в руках гитара и есть возможность свободного полета, мы в своей стихии.

— Ваши мелодии сразу запоминаются, то и дело их напеваешь. Песни у вас открытые, светлые, легкие на подъем. Хочется верить, что и сами вы такие.

С. Не знаю. Не придумывали себе сценический образ. Мы такие, какие есть. Конечно, природа авторской песни — театральность, и каждая наша песня — маленький спектакль...

Т. ...в котором мы остаемся тем не менее самими собой. Много лет работали в научном институте, и наши друзья, вместе с которыми мы ставили опыты, мыли пробирки, становились первыми нашими слушателями. Ни им, ни при них невозможно врать и принимать позу.

С. Но с годами мы, несомненно, стали жестче, строже, драматичнее. Наше восприятие жизни и осознание себя меняются. Уходят иллюзии, ложится на душу горечь. Это не может не сказаться на песнях. Довольно давно обдумываю программу новой пластинки (у нас их и вышло-то всего две): начать «Думой» на стихи Лермонтова, дальше — песни на слова Твардовского, Эренбурга, Самойлова, Киплинга, Чичибабина, Курочкина, Жигулина.

— За чем же дело стало?